

ДМИТРИЙ ШЕРИХ

ПЕТЕРБУРГ НАИЗНАНКУ

Заметки на полях городских летописей

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 821.161.1+908
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)
Ш49

Шерих, Д.

Ш49 Петербург наизнанку : Заметки на полях городских летописей / Дмитрий Шерих. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 159 с. — (Серия «Северная Пальмира»).

ISBN 978-5-517-10872-2

Книга известного журналиста и историка, лауреата Анциферовской премии Дмитрия Шериха — захватывающее путешествие по закоулкам и тайнам Северной столицы, позволяющее увидеть ее в новом свете. С тонким чувством юмора и глубоким знанием городских реалий автор рассказывает о тех аспектах истории и повседневной жизни Петербурга, которые долгое время оставались незамеченными.

Ряд увлекательных очерков раскрывает перед читателем малоизвестные факты и анекдоты, связанные с различными уголками и зданиями Петербурга, его знаменитыми и не столь известными обитателями, поворотными событиями и городскими легендами. Исторические детали при этом искусно переплетаются с личными наблюдениями автора, позволяя увидеть живой и динамичный образ города.

УДК 821.161.1+908
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

© Шерих Д. Ю., 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-517-10872-2

АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

Любой уважающий себя петербуржец знает основные вехи городской истории. Без труда вспомнит, например, что город наш был основан 16 (27) мая 1703 года, что легендарный Домик Петра I возвели в майские дни того же 1703 года. Прибавит, если начитанный, что строились первые царские хоромы силами солдат.

Факты несомненные? Позвольте возразить.

Совсем не случайно герой «Записок из подполья» Федора Михайловича Достоевского назвал Петербург «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре». Дело не только в облике северной столицы — хотя и в самом деле, как могли явиться среди северных болот средиземноморские колоннады и лоджии, классически широкие проспекты и барочные завитушки дворцовых фасадов? Дело и в истории: петербургская летопись овееяна умыслами, легендами и небылицами. И добро бы они не притворялись чистой истиной, так нет же: в самых канонических страницах городской истории присутствуют откровенные фантазии!

Три майских дня 1703 года? Эта информация — родом из старинной рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга», которая хранится в нашей Публичной библиотеке (нынешней Российской национальной). Известная рукопись, в своем роде выдающаяся,

в деталях красочная. Жаль только, что детали эти — чистейший вымысел, созданный воображением сочинителя, одного из младших современников Петра I. А реальные обстоятельства появления Домика никому достоверно не известны.

Вот факт.

Это лишь один пример, но весьма красноречивый.

Исторический Петербург весь как мираж, как игра воображения. Чувствовал это и Александр Александрович Блок, много позже Достоевского обращаясь к Петербургу: «О, город мой неуловимый, зачем над бездной ты возник?..»

Вот и идея этой книжки: прошерстить ключевые моменты истории Санкт-Петербурга, внести в них необходимые поправки. Речь не только о временах старинных. Памятник Героическим защитникам Ленинграда на площади Победы, впечатляющее бетонное «разорванное кольцо», а по краям разрыва бронзой — «900 дней» и «900 ночей». Героические девятьсот дней блокады, формула устоявшаяся и обиходная. Однако оборона города от фашистских захватчиков длилась на 28 дней меньше, и эта разница вовсе не мелочь. Месяц в условиях небывало жестокой войны — разве можно такое списать на погрешность или на округление?

Байки, округления, а также заблуждения и допущения укрепились в сознании горожан под видом несомненных фактов и кочуют по страницам научных трудов, энциклопедий и учебников. Некоторые вроде бы и удалось опровергнуть, доказать их недостоверность, однако до сих пор они гуляют на свободе. Уже сколько опровергали анекдот о «царском пальце» на железной дороге из Петербурга в Москву, а все равно в литературе нет-нет, да всплывет этот «факт»!

XVIII ВЕК

ПЕТЕРБУРГ ДО ПЕТЕРБУРГА. НА ПУСТЫННОМ ЛИ МЕСТЕ ПОСТРОИЛИ ГОРОД?

Две давно разоблаченных легенды никак не хотят умирать. И конкурируют между собой. Первая — о том, что город наш Санкт-Петербург был построен на пустом месте. Вторая — что финны («чухонцы») с шведами были исконными жителями этих мест.

В бытовании этих легенд отчасти повинен Александр Сергеевич Пушкин. Именно на его поэму «Медный всадник» кивают адепты легенды номер один: сказано же, мол, что «на берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн». Да и вознесся юный град «из тьмы лесов, из топи блат»!

В укор адептам: если читать поэму чуть внимательней, несложно убедиться, что Пушкин поддерживает скорее легенду номер два. Вскоре после строк о пустынных волнах он сообщает: «по мшистым, топким берегам чернели избы здесь и там, приют убогого чухонца». И никакого противоречия между двумя поэтическими тезисами: вначале Александр Сергеевич говорит о пустынной реке, на которой виднеется лишь одинокий «утлый челн», а во втором — уже о невских берегах.

В пушкинские годы, напомним, Нева была совсем не пустынной — полноценная транспортная артерия, едва ли не главная в столице.

Но что же с легендами?

Прежде всего, петербургские земли были обжиты до возникновения города. Известны мельчайшие детали жизни местных аборигенов, красноречиво рисующие их повседневный быт. Вот лишь один эпизод. Жил на левом берегу Невы шведский майор Эрих Берндт фон Коноу, и управлял его имением некий Олоф Иоханссон, человек жестокосердный. Под его горячую руку попал местный рыбак Сава Онтрей (на деле, очевидно, Савва Андреев) — и этот конфликт оказался запечатлен в судебных документах. Из них мы знаем, что жил Андреев небогато, выловленную рыбу менял на зерно, которое смешивал с сосновой корой и корешками мха и пек из такой смеси хлеб.

Инцидент случился 29 мая 1697 года, когда Савва вернулся с рыбалки. Вот что показывала на суде вдова рыбака Эриния (очевидно, Ирина):

«На берегу его поджидал управляющий имением Олоф, чтобы взять с улова причитающуюся усадьбе Конова долю. Онтрей сказал: „Конечно, с нас сдирают налог на рыбу, но может ли какая-нибудь рыбешка попасть в кастрюлю хозяина?“ Управляющий ответил: „Что за счетовода ты, каналья, из себя изображаешь?“ и ударил Онтрея веслом по плечу и дважды по телу так, что сломал ему ребро. Онтрей упал в лодку. В следующий четверг Олоф пришел к нему взять положенное. Онтрей лежал на скамье, и Олоф спросил его: „Почему валяешься, почему не рыбачишь вместе с другими?“ Онтрей ответил: „Я сыт по горло тем, как ты избил меня в субботу“. Управляющий разъярился, стал бить рукояткой хлыста по лицу и глазам Онтрея, пинать его ногами. Онтрей умолял о пощаде,

но Олоф продолжал избиение. Онтрей произнес: „Хватит уже, хватит уже“, на что Олоф ответил: „Для меня жизнь такого бандита не дороже куриной головы“, после чего покинул дом, уведя за неуплату налога двух коров из коровника. В тот же вечер Онтрей испустил дух».

Дело рассматривал суд, находившийся тогда в городе Ниен рядом с Ниеншанцем. Управляющего взяли под стражу, но затем выпустили — после того, как он поклялся, что Савва Андреев умер не от его руки. Летом 1698 года случился новый инцидент: Олоф, встретив Ирину на дороге в Аухтуа (современное Автово), избил ее. Судебная процедура еще не завершилась, приговор был вынесен в октябре 1699 года: обвинения в убийстве Андреева суд снял, а за избиение вдовы шведа приговорили к отсечению правой руки.

До основания Петербурга оставалось меньше четырех лет.

История Саввы Андреева — один из срезов жизни Петербурга до Петербурга. Местные простолюдины жили в среднем так же, как Савва. Неурожаи, мор скота привели к тому, что в 1697–1699 годах люди массово умирали от голода, нищие бродили по деревням; объектом кражи часто становилась еда — рыба, мясо, мука, зерно, соль, сахар, жир, масло. В 1698 году среди 185 дел, рассмотренных в суде города Ниен, 30 касались краж. И на этом фоне — прекрасная усадьба майора фон Коноу, именовавшаяся Usaditza, или же Usadiss hoff, и включавшая в себя зеленый сад «в голландском вкусе». Местная шведская знать и тогда не бедствовала.

Но что же насчет второй нашей легенды — об исконных обитателях приневских земель? Здесь сама усадьба майора фон Коноу подсказывает ответ. Usaditza, Usadiss hoff: не правда ли, русское ухо чувствует в этих названиях родные корни? И верно: еще на рубеже XV и XVI веков

здесь находилась русская деревня Усадица (Усадище), которая затем дала имя усадьбе.

Русские и шведы с давних пор конкурировали за местные земли. Александр Ярославич в 1240 году отстаивал Неву от шведских войск, за что и стал Невским; случались громкие сражения и позже. Известно также, что летом 1300 года Нева принадлежала Новгороду, но вторгшиеся шведы соорудили в устье Охты крепость Ландскрона. Годом позже новгородцы собрали большое войско и после осады разрушили цитадель. В том же XIV веке здесь появилось русское поселение — сельцо «на усть Охты», давшее начало Невскому городку с гостиным двором, церковью и таможней...

А в 1582 году московские дьяки не смогли выполнить перепись здешних земель, ибо «стояли под Орешком и под Ладогою немецкие люди». В 1611 году, чувствуя себя уже здесь хозяевами, шведы построили на месте Невского городка крепость Нюенсканс, она же Ниеншанц. Шестью годами позже был заключен Столбовской мир, согласно которому приневские земли официально отошли к шведам — хотя доля русского населения составляла здесь до двух третей. Этому населению пришлось нелегко, что подтверждает не только судьба Саввы Андреева: власти выдавливали православие лютеранством, раздавали земли новым хозяевам, и в конце концов доля русских в этих краях упала до ничтожных пяти-шести процентов.

Так что и вправду перед основанием Петербурга здесь преобладали финны с шведами, но вот исконность их как минимум под вопросом.

Подытоживая тему, набросаем перечень некоторых значимых поселений на нынешних петербургских землях, существовавших тут перед 1703 годом. Русское село Спасское, известное с 1505 года, находилось на левом берегу Невы в районе теперешнего Смольного; здесь име-